
Л. И. ПЕТРОВА

«НИЩЕНСКИЙ» СТИХ

Духовный стих «Христос и нищая братия» (чаще называемый «Вознесением Христовым» или просто «Вознесением») — один из самых популярных, распространенных по всей территории России.¹ Впервые зафиксированный еще в середине XVIII в. (№ 16), он вплоть до настоящего времени сохраняется в репертуаре местных сказителей. Вместе с тем этот стих редко становился объектом исследования. За исключением интересных, но неизбежно кратких и оттого во многом повторяющих друг друга комментариев к публикациям и общей характеристики сюжета в очерках по истории русской словесности,² «Вознесению» посвящены всего две специальные работы — В. Ф. Ржиги³ и А. Седельникова.⁴

Причина этого, быть может, в видимой простоте стиха, кажущейся «прозрачности» основной его идеи, стабильности основных мотивов,⁵ крайне низкой (во всяком случае, на первый взгляд) степени вариативности. Кроме того, в отличие от других эпических духовных стихов, здесь нет видимых признаков влияния былины, привычного «расширения» текста за счет «былинных формул». Невозможно возвести этот сюжет и к определенным книжным источникам, что легко осуществимо в отношении практически всех «старших» духовных стихов — «Голубиной книги», «Алексея человека Божия», «Двух Лазарей», «Егория Храброго», «Федора Тирона» и др.

Не вызывает сомнения тот факт, что «Вознесение» (наряду с «Двумя Лазарями») относилось к числу любимых стихов, чаще всего исполняемых «профессиональными» нищими-певцами. Именно с их средой связывает большинство исследователей создание этого сюжета, социально оправдывающего самое существование «каличества». «Главная идея стиха — значение, необходимость для людей милостыни как средства спасения души; в этом отношении калика и нужен обычному человеку (...) Идея о милостыни — одна из самых ярких общественно-религиозных популярных идей христианства и старой Руси: здесь лежит источник этих стихов („Вознесения“ и „Двух Лазарей“. — Л. П.)».⁶ «Основной смысл песни — утвердить, что помощь нищим является Божественным предначертанием (а не одним из средств спасения души того, кто подает милостыню, как проповедует Церковь). Это, условно говоря, „цеховая песня нищих“, которую можно причислить к народным апокрифам Древней Руси».⁷

¹ Перечень опубликованных вариантов (но без указания перепечаток) приведен в конце статьи. Издания в списке расположены в хронологическом порядке. Ссылки на варианты даются в тексте статьи в круглых скобках с указанием номера по этому списку.

² *Сперанский М. Н.* Русская устная словесность. М., 1917. С. 390—391.

³ *Ржига В. Ф.* Стих о нищей братии // ИОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 177—188.

⁴ *Седельников А.* Литературно-фольклорные этюды // Slavia. 1927. Ročník VI, sešit 1. S. 71—79.

⁵ 1) Указание на Христово Вознесение; 2) Плач-обращение «нищей братии» к Господу; 3) Ответ Христа с обещанием даров; 4) Описание этих даров; 5) Просьба-отказ от предложенных даров; 6) Указание причин этого отказа; 7) Ответное слово Христа, воспринимаемое как своего рода «благословение» «меньшей братии».

⁶ *Сперанский М. Н.* Русская устная словесность. С. 391.

⁷ Былины. Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 584—585.

Как нам представляется, для утверждения святости милостыни (вне зависимости от того, преподносить ее как «Божественное предначертание» или как средство спасения души подающих) главное в сюжете — предоставление нищим святого Христова имени (о чем говорится в конечной части стиха). Обещание Господом земных даров «меньшей братии» и отказ от них — центральные «эпизоды» сюжета — при подобной трактовке основной идеи стиха вроде бы и не столь необходимы. Тем не менее именно они, на наш взгляд, имеют принципиальное значение для понимания особенности решения темы нищенства в духовных стихах устной традиции, представленной «Вознесением».

Утвердившееся в науке мнение, что «Христос духовных стихов — суровый и карающий Судия, стихи не знают милующего Господа»,⁸ справедливо лишь отчасти и связано главным образом с мотивом «позднего раскаяния» (о котором нам уже приходилось писать).⁹ Что же касается «Вознесения», то это единственный стих, где Христос готов одарить взывающих к нему даже не Царствием Небесным (как, например, в стихе о «Двух Лазарях»), а земными благами. Причем речь идет о несметных богатствах: золотых горах и медовых реках (ассоциативно напоминающих сказочные «молочные реки и кисельные берега»).

Как правило, акцентируют внимание на описании причин отказа от этих богатых Божих даров: сильные-богатые люди («князи и бояра», «немилосливые власти»¹⁰ и т. п.) «прознают», приедут и отнимут золотую гору и медовую реку, будет раздор и кровопролитие, гибель нищих от голода, холода и отсутствия крова. Главным оказывается, таким образом, социальный аспект стиха, отражение в нем социальных противоречий в обществе, противостояния бедный — богатый, власть имущий. Так, пытаясь определить время возникновения «Вознесения», В. Ржига писал: «Особого внимания заслуживают главные мотивы, составляющие его содержание: такова прежде всего борьба сословий из-за золотой горы, предназначенной нищим».¹¹ Он напрямую связывал основное содержание стиха с отражением происшедшей в первой половине XVI в. борьбы «из-за церковных и монастырских имуществ», которая «понималась и мыслилась как борьба из-за достоинства нищих».¹² Думается, однако, что о социальной доминанте этого стиха можно говорить с большой долей условности. А установление прямой связи с конкретными фактами истории вообще проблематично.¹³

Мы склонны считать основополагающим мотивом «Вознесения» мотив *отказа* от земных богатств, которыми готов одарить Христос «меньшую братию». Причина этого отказа, как и то, кто именно «озвучивает» его в стихе, играют уже второстепенную роль. Доминирующей в эпическом стихе о Христовом Вознесении оказывается, на наш взгляд, не столько идея святости милостыни, сколько идея святости «качества». «Меньшая нищая братия» становится благословенной не оттого, что Господь дарует нищим свое святое имя, а потому, что, обретая черты святости через отказ от земных благ, нищенство оказывается достойным нести в мир слово Христово и, как следствие, получает его в дар. Характерно, что во многих вариантах (2в, 2г, 3а, 3в, 3г, 4, 5, 8, 9, 21, 23, 24а, 24б, 26в, 26г, 30а, 30б, 30д) Господь оставляет «меньшей братии» не «имя Христово», ассоциирующееся прежде

⁸ Коробова А. «Придите, братие, послушайте...», или Некоторые размышления о духовных стихах // <http://folkportal.3dn.ru/publ/6-1-0-22>.

⁹ Петрова Л. И. Сюжет о Марии Египетской в устной и письменной традиции // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 104—105.

¹⁰ В некоторых вариантах (6, 15, 18а) употреблено словосочетание «пёстрыя власти», не встречающееся в других произведениях русской народной эпикки. Рискнем предположить, что оно возникло в результате восприятия сказителями на слух иного — книжного — сочетания, также вошедшего в тексты «Вознесения»: «пастыри и власти» (2а, 28).

¹¹ Ржига В. Ф. Стих о нищей братии. С. 184.

¹² Там же.

¹³ Стоит, впрочем, обратить внимание, что в одной из ранних записей в «перечень» земных благ, которые Господь обещает оставить «нищим», включается «даровая казна». С очень большой натяжкой, но все же можно, вероятно, считать это неким отражением того конкретно-исторического факта, о котором упоминал в своей работе В. Ржига: высказывание Ивана Грозного «о церковной и монастырской казне», которая должна идти «на потребу» нищим (Там же. С. 185).

всего с милостью (ср. просить «Христа ради»), а Христово «слово». Оставаясь «в миру», но добровольно отвергая даруемые «золотые горы» и «медовые реки», «нищая братия» оказывается в одном ряду с такими обретшими статус святых (или по крайней мере удостоившимися Царствия Небесного) героями духовных стихов, как Алексей человек Божий, который богатой сытой жизни предпочел житие отшельника, Мария Египетская, добровольно обрекая себя на одиночество, физические страдания, голод и холод, царевич Иоасаф, предпочитающий царствованию пустынножителю, и т. д.

С другой стороны, тот, кто «озвучивает» в «Вознесении» отказ от предлагаемых Христом земных благ, по сути осмеливается противоречить самому Господу, что кажется невероятным для народного религиозного сознания. Отсюда и характер обращений к Христу в ряде вариантов:

Владыко Христос Царь Небесный!
 Не возьми мое слово в досаду... (1);
 Ай же, Восподь Бох Небесной!
 Ты позволь же мне слово молвить,
 Супротив Христа речь говóрить... (26в);
 Дай-ко мне, Господи, словечко молвить,
 Насупротив Христа речь говóрить... (публикуемый вариант № 3)

Стоит отметить, что это место — единственное в «Вознесении», где может происходить расширение текста за счет традиционных былинных формул:

Ай же ты, Христос Царь Небесный!
 Позволь ты мне слово говориты,
 За мои речи не сказниты (4);
 Пóзволь мне-ка слово сказати,
 За мои-то за слóва да не ругати,
 За мои за речи не казнити (24а).

Сама собой напрашивается здесь аналогия с традиционным былинным обращением к Владимиру:

Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
 Ай, вы позвольте-ко мне слово сказать,
 Не позвольте меня за слово сказнить..;
 Уж ты ой еси, красно солнышко Владимир-князь!
 Ты позволь мне слово молвити,
 Не изволь за слово кáзнити...¹⁴

В былинах подобное обращение к князю вовсе не означает, что последующая речь героя (в данном случае Дуная) будет противоречить княжескому волеизъявлению. Но и в «Вознесении» обозначившееся вроде бы противоречие с Христовой волей носит мнимый характер, что также нашло отражение в одном из вариантов:

...Позволь мне-ка слово-то сказати,
 Не поставь речей моих в супротивность... (30б)

Исходя из общей концепции стиха предложение нищим несметных богатств можно рассматривать как своего рода испытание со стороны Христа (подобно тому, как в народных легендах Христос под видом убогого странника испытывает человека на способность к милосердию, награждая одних и наказывая — за жадность и жестокосердие — других). «Иоанн Богослов» (3а, 3г, 4, 7а, 7б, 8, 11, 28г, 30а, 30б) — «Иоанн» (5), «Иоанн Архиепискуп» (1, 3в), «Иван Предотец» (2в, 21, 26в, 26г, 30в, 30е) — награждается «золотыми устами» не потому, что он оказался «мудрее» самого Господа, а потому, что речи его как раз не противоречат Слову Божьему («...трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие»¹⁵), констатируют верность основным христианским ценностям.

¹⁴ Былины в 25 томах. СПб.; М., 2004. Т. 4. С. 126 и 245 (Свод русского фольклора).

¹⁵ Мк. 10:24.

Противостояние духовного и физического, «спор» души и тела — едва ли не центральный «конфликт», так или иначе непременно отражаемый (в силу специфики жанра) почти во всех духовных стихах. Не является, как видим, исключением в этом смысле и сюжет «Христос и нищая братия».

Как уже отмечалось, «Вознесение» невозможно связать с конкретным книжным источником. В работе В. Ржиги предпринята такого рода попытка, но он сам характеризует ее как гипотетическую.¹⁶ Подвергая сомнению гипотезу В. Ржиги, А. Седельников отказывается «в силу самой внутренней структуры стиха от мысли найти близкий по построению книжный источник».¹⁷ В известном труде Г. П. Федотова, где «Вознесению» посвящено всего лишь несколько фраз, содержится указание на некий апокрифический источник, но это указание не подкреплено конкретной ссылкой: «Стих о Вознесении ничем не связан с Новым Заветом, но использует апокрифическую прощальную беседу Христа с учениками для прославления нищенства».¹⁸ К сожалению, определить источник, о котором упоминает Г. П. Федотов, нам пока не удалось. Что касается связи духовного стиха с Новым Заветом, то кроме упоминания в начальных строках стиха о Христовом Воскресении и Вознесении¹⁹ она проявляется в ряде случаев и в текстуальном «заимствовании».

«При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: „Жёно! Се сын Твой“. Потом говорит ученику: „се Матерь твоя!“ И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».²⁰ Этот эпизод из Евангелия нашел непосредственное отражение в стихах устной и письменной традиции, включающих мотив плача Богородицы у распятия:

«Увы, чадо мое!
Услыши молитву мою:
На кого оставил
Матерь Свою?» <...>
Господь Бог,
Возста со креста,
Преклонь главу Иоанну
И рече ему:
«Иоанне! Приими
Матерь Мою!
И буди Ми,
Яко питаю Мою Мать»...²¹

«Ой же ты, чадо мое милое!
Ой же ты, Исус Христос — Царь Небесный!
На кого ты меня покидаешь,
На кого меня оставляешь?» —
«Не плачь, Матушка Мария,
Не плачь, Пречистая Дева Святая!
Оставлю Ивана Пред(о)теча:
Держи вместо своего сына...»
(24в — контаминация «Сна Богородицы»
и «Вознесения»)

Контаминация со стихами о распятии Христа, включающими мотив плача Богородицы, типична для «Вознесения». Вероятно, в сознании исполнителей, и в большей степени именно «профессиональных» бродячих певцов, чаще певших на паперти, в том числе «с листков», даваемых им священнослужителями, эти сти-

¹⁶ В. Ф. Ржига соотносит стих с «Посланием некоего старца», а именно той его частью, где «автор призывает князя быть милосердным к нищим <...> „Таких милостынею посещай, да и от Бога сам милость получиши“» (см.: Ржига В. Ф. Стих о нищей братии. С. 187—188).

¹⁷ Седельников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 76. Но в его работе содержатся небезосновательные попытки провести «тематическую» параллель между «Вознесением» и произведениями древнерусской письменности «на тему о спасительности нищелюбия»: «Наказанием к отречшимся от мира монашеского жития ради» преп. Илариона, поучениями Иоанна Златоуста, «Словом о богаче и бедняке» (Там же. С. 77).

¹⁸ Федотов Г. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 21.

¹⁹ Указание на Вознесение Христово как на факт содержится во всех вариантах стиха. Во многих текстах называется точная дата церковного праздника Вознесения: четверг, шестая неделя после Пасхи. Но удивительно другое. В этом стихе нашло отражение дохристианское «циклическое» (зима — лето) счисление времени, характерное для земледельческой культуры (о двухцикловом праславянском календаре см., в частности: Гусев В. Е. Славянский обряд проводов весны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. М., 1988. С. 196—198). В текстах встречается особая «дата» весеннего праздника Вознесения: «среди красного лета накануне Вознесенья» (26а, 26б), «среди теплаго лета» (2а).

²⁰ Ин. 19:25—27.

²¹ Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1863. Вып. 4. С. 237.

хи сливались в единый рассказ о крестных страданиях Христа, заканчивающихся его Воскресением. Так, в записи, произведенной священником А. Н. Соболевым в г. Киржач Владимирской губернии от слепцов Емельяны Казаковой и Марии Сивцовой, стих о Вознесении включен в очень свободное повествование под названием «Про Христа Милостива», соединяющее мотивы разных сюжетов (13).

Плач-обращение Богоматери к Сыну аналогичен плачу-обращению нищих к Господу (впрочем, здесь можно обнаружить параллели и с причетью):

Ай же ты, Иус Христос — Царь Небесный!
На кого ты нас здесь оставляешь,
На кого ты нас здесь поки(д)аешь? (24в)

В двух опубликованных вариантах «Вознесения» в ответе Христа нищим содержится нетипичный для этого стиха мотив, восходящий, в конечном счете, к эпизоду из Евангелия, но, вероятно, попавший в стих «Христос и нищая братия» под влиянием более «книжных» сюжетов о Христовом распятии, включающих плач Богородицы:

Не ядзиных я вас спокидаю,
Не ядзиных на дозор отставляю:
Покидаю я вас с Святым Духом,
С Святым Духом, с святым Яном,
С святым Яном Благославом (7б);

Господь возговорит:
«Я оставлю на брата на Иоанна,
На Христителя Господнего» (публикуемый вариант № 2)

Далее в текстах следует обычное перечисление земных даров: «золотой горы», «медовых рек» и пр.

В евангельском тексте речь шла об Иоанне Богослове. О нем же говорится в «Вознесении», записанном в Мстиславском у. Могилевской губ., — в отличие, заметим, от севернорусского варианта. Большинство исследователей солидарно во мнении: «В сознании народа <...> слились в одно лицо <...> разные личности, жившие в разное время и имеющие разный статус»: Иоанн Предтеча, Иоанн Златоуст, Иоанн Богослов.²² Действительно, одна и та же исполнительница могла, например, в одном случае назвать имя Иоанна Крестителя («Я оставлю на брата на Иоанна, на Христителя Господнего» — публикуемый вариант № 2), а в другом (но аналогичном) — Иоанна Златоуста: «Оставляю я тебя на Иоанна Златоуста» («Сон Богородицы»).²³ В. Ф. Ржига утверждал, что «в самом прототипе стиха была уже контаминация двух Иоаннов» — Богослова и Златоуста.²⁴

Стоит, однако, уточнить. Статус каждого из названных святых позволял включить их в стих «Христос и нищая братия». Но текст Евангелия предопределял появление в «Вознесении» именно Иоанна Богослова. Заметим, что именно к нему обращается «после совета» нищая братия с просьбой донести их отказ от земных Божьих даров до Господа (8).

В ряде текстов «Вознесения» в качестве «посредника» между нищими и Христом выступает Михаил Архангел. Об этом исследователи либо не упоминают вовсе, либо данный факт сознательно игнорируют: «Только старая запись в собр(ании) Барсова называет не Иоанна, а Михаила Архангела, но это не должно нас смущать. Дело в том, что Барсовский текст по характеру своему представляет собою, по-видимому, запись по памяти, он разрушен и в начале, и в конце: здесь не сохрани-

²² Соколовы-2007. С. 474.

²³ РО ИРЛИ. Р. V. К. 76. П. 2. Ед. хр. 45.

²⁴ Ржига В. Ф. Стих о нищей братии. С. 180. Впрочем, вопрос этот еще нуждается в проработке. Один из вариантов стиха вроде бы полностью подтверждает гипотезу В. Ф. Ржики: в тексте За Христос, обращаясь к Иоанну, называет его одновременно и Богословом, и Златоустом: «Иван Богословец! Иван Златоустый!» Но «златоустый» воспринимается здесь скорее только как эпитет, причем эпитет, относящийся именно к личности Иоанна Богослова.

лось приурочения действия стиха к Вознесению, нет и „золотых уст“.²⁵ В распоряжении В. Ф. Ржиги было всего 15 вариантов. Теперь только опубликованных записей известно более пятидесяти. В пяти из них (16, 20, 27, 28а, 28б — сказанный) в диалог с Христом вступает именно Михаил Архангел. В общем контексте духовной поэзии это вовсе не выглядит случайным недоразумением, обмолвкой исполнителя. Стоит, вероятно, учесть и тот факт, что по крайней мере три текста записаны (16) или усвоены (20, 28а) от бродячих нищих певцов: «Выучила былины от нищих на д. Заозерье, где у родителей ее часто останавливались постояльцы. Отец всех поил, кормил, ночевать оставлял, в том числе и нищих, от которых Т. Г. Немнюгина и выучила былины» (20, с. 42); «Сироты ходили — от них выучилась» (28а, с. 341).

Имя архангела Михаила связывается прежде всего с представлениями о Страшном суде. В таких духовных стихах, как «Страшный суд», «Михаил Архангел», речь идет о праведниках и грешниках, но главным образом — о грешниках, о возмездии за грехи. Один из таких непрощаемых грехов — равнодушие к «нищей братии». Не случайно в этих стихах можно найти текстуальные аналогии с «Вознесением»:

Расплацутся грешныи души:
«Ай же ты, Христос Царь Небесный!
На что ты нас покида(е)шь,
Небесного Царства лишаешь?..» (24, с. 448)

Структурно заключительная часть этого стиха о Страшном суде построена по аналогии с «Вознесением» (всё то же, но со знаком минус): 1. Плач-обращение к Христу (здесь — грешных душ). 2. Ответ Христа, содержащий описание не даров, а наказаний. 3. Вступление в диалог Иоанна («Возречет Иван Архипильский: „Будет ли грешным прощенье?“»). 4. Ответная речь Христа (здесь — отвергающая возможность снисхождения).

Назидательный ответ Христа грешным душам (фактически псалма):

Очи ваши были ямы,
Руци ваши были грабли;
Что ваши очи завидали —
То ваши руци забрали;
Беднаго не одели,
Голодного вы не накормили,
Голого вы не одели,
Странного не принимали! (24, с. 449) —

по содержанию соотносим с типичными для «Вознесения» «формулами»:

Ты оставь лучше Христово имя (...)
И все будут сыты и пьяны,
Все будут обуты и одены
И от темной ноченьки укрыты (6);
Будут они сыты, питаны,²⁶
Обуты и одены,
От тёмной ноци укрыты (28б — сказанный).

Отсутствие в текстах «Вознесения» мотива дарования «золотых уст» Михаилу Архангелу объясняется, как нам кажется, не испорченностью (как полагали В. Ржига и А. Седельников) или усеченностью записей, а прочностью ассоциаций

²⁵ Ржига В. Ф. Стих о нищей братии. С. 180. В этой записи о Вознесении Христа прямо не сказано, но оно предполагается: «Стих поют. Росплачесь нищия братия, а нищая братия-христиане возирают на небо: „И Господь Царь Небесной! Кому нас поить, кормить (и т. д.)“» (16).

²⁶ Предполагаем, что обычное в текстах «Вознесения» сочетание «сыты и пьяны» восходит к редко употребляемому книжному «сыты, питаны» («сыты и питанны» — 10), преобразованному в восприятии носителей устной традиции в более понятное и к тому же схожее с типовым элементом былинного описания княжеского пира: «Ишше все на пиру да пьяны-весёлы» (Былины в 25 томах. Т. 4. С. 133, 142, 149 и др.).

этого имени с грозным судьей на Страшном суде, пронзительностью и развитостью мотива «греха» в стихах о Михаиле Архангеле:

Жили вы на белом свету —
 Что вы тогда не спасались?
 Друг друга не любили,
 Брат брата не почитали (...)
 Нищих умерших
 В церковь не провожали,
 Нищих бедных
 Не поили, не кормили!
 За то вам будет
 Мука вечная!.. (6, с. 48—49)

Примечательно, что в одном из текстов «Вознесения» с именем Михаила Архангела сюжет оказывается «присоединенным» к сюжету о трех грешных душах.²⁷

Стих «Христос и нищая братия» иногда заканчивался фразами, понуждающими слушателей к подаянию: «Хозяин, хозяйшка, здоровайте! / Подайте Христа ради!» (28в);²⁸ «Не сойдетсе ли милостынька, шерстоцьки-кусоцьки?» (30а). Судя по некоторым замечаниям местных сказителей, им была вполне понятна чисто утилитарная сторона пения «Вознесения»: «Мешков-кусков напросят — вот и сыты будут!» (28а); «С той поры и стали просить Христа ради» (25).²⁹ Но эта утилитарная функция не оказывала никакого влияния на сам текст, сконцентрированный, как мы старались показать, на теме «святости нищенства».

Несколько иная тема — благодати милостыни как средства спасения души и как «Божественного предначертания», требующая открытой дидактики, активно «разрабатывалась» в основном «книжными» духовными стихами назидательного характера:

Отчы наши праведные,
 Дóмы благодатные,
 Сотворите милостыню,
 Чесную, спасеную (...)
 Избавит милостыня
 От муки от вечной,
 От огня от полящего,
 От смолы от кипящей.³⁰

Эпическому духовному стиху устной традиции не свойственно открытое морализаторство, прямые наставления и поучения. Если такого рода элементы и проникают в стих, то выглядят чужеродными. Интересен в этом отношении один из вариантов «Двух Лазарей», записанный в г. Иваново-Вознесенске «от слепцов Егорушки и Гаврюши». Его концовка нетипична для данного сюжета, но показательна для нашей темы. Вместо позднего раскаяния богатого Лазаря и его обращения к бедному с просьбой о помощи — назидание грешной душе, вверженной «в ад, в пекло смердное»:

А зачем ты, душа, а зачем, богача,
 Ты в гордыне жила, никого не блюла,
 Зачем нищих братьев ненавидела,
 Зачем в пище, пите ты отказывала,
 Зачем в темную ночь не укрывала? (13, с. 33)

Здесь уже речь идет не просто об отношении богатого Лазаря к своему бедному брату, но о его отношении ко всей нищей братии. При этом, что характерно, эпический стих сменяется виршами.

²⁷ ФА ИРЛИ. МФ 1035.01.

²⁸ Текст сказитель выучил «у нищих, у зырян»: «Зыряне просят — поют» (28в, с. 342).

²⁹ В публикации это заключительная строка текста, но, думается, ее нужно было бы отнести к ремарке исполнительницы.

³⁰ РО ИРЛИ. Р. V. К. 5. П. 5. Ед. хр. 58.

Нечто подобное наблюдается в текстах «Вознесения», оказавшихся наиболее подверженными влиянию письменной культуры. Стихи, распространенные главным образом в Белоруссии и западных областях России (собрания Е. Р. Романова и В. Н. Добровольского), содержат развернутую концовку в форме прямого поучения, эпический характер стиха сменяется назидательно-дидактическим:

Кармита и паить нищую братию,
И грешныя тела придивайтя,
Щитовы ворота ни затваряйтя
Ат тёмныя ночи приукрываютя!
Хто ж будить кармить-паить нищую братию
И грешныя тела придивати,
Ат тёмныя ночи приукривати —
Атпишу я тым душам Царства Нябесная,
Им атныни, им и да веку!
Хто ж ни будить кармить-паить нищую братию (и т. д.) —
Будить тым душам агонь вешный!.. (11)

Только в этих вариантах (7а, 7б, 11) появляется мотив угрозы за неокказание помощи нищим и вновь возникает образ Христа немилостивого, несвойственный, на что мы уже обращали внимание, духовным стихам о Вознесении. Дидактический элемент оказывается если и не преобладающим в текстах, то вполне достаточным для значительного акцентирования темы обязательности «спасительной святой» милостыни (1, 3в, 7а, 7б, 11).

К тому же ряду вариантов, осложненных элементами прямого наставления о необходимости «сотворять» милостыню, примыкает и еще один (13), записанный от слепого крестьянина Вологодской губернии и во многом являющийся, вероятно, результатом «индивидуальной» компиляции. Его концовка — это по сути «умильный» стих (нередко оказывающийся в составе «Страшного суда»), переходящий затем в молитву-заговор — возможно, с целью более благоприятного воздействия на слушателей как потенциальных подателей милостыни:

И ништо-то так не поможет
На втрбом на будущем пришествии:
Не дружья и не приятэли (<...>
И не злато и не сёребро —
Столько поможет потайная³¹
Христовая милостинка,
Полунóцные зёмные поклоны
Спаси, Господь, и помилуй (<...>
Их на многая лета,
Со скотом и животом их,
От напрасные смерти,
От злого, лихово целовека,
От неверново язýка (<...>

В этой группе стихов о Вознесении, большинство из которых не имеет точной паспортизации (сказано, например, что стих поется в «Мстиславском у. Могилевской губ.» — 7б или в Смоленской губ. — 11) и входит в основном в репертуар «калик», тема «святости нищенства» отступает на второй план, уступая место теме «святости милостыни».

К сожалению, решение одной из главных проблем духовных стихов — проблемы варианта — крайне затруднено, учитывая сложную историю собирания и издания произведений этого жанра, а также очень приблизительную атрибуцию (если не отсутствие таковой) ранних записей.

Не претендуя на окончательность выводов, мы попытались тем не менее охарактеризовать две основные редакции «Вознесения», одна из которых сформир-

³¹ Эпитет «потайная», «тиха-смирная» для определения «милостыни» в духовной поэзии соотносима с евангельским текстом: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6:1); «чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф. 6:4).

ровалась под влиянием книжного духовного стиха, назидательно-дидактической духовной поэзии позднего времени. Хотелось бы вместе с тем подчеркнуть, что стих «Христос и нищая братия» — явление достаточно сложное, чтобы можно было поставить точку в его исследовании. К тому же остается неизданной довольно значительная часть материалов, которые (по мере их введения в научный оборот) неизбежно будут вносить коррективы и уточнения предшествующих итоговых результатов изучения.

Далее приведен полный (на сегодняшний день) перечень публикаций «Вознесения».

1. *Якушкин-1860* — Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. СПб., 1860. С. 41—42.
2. *Варенцов* — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
а) С. 59—61; б) С. 61—62; в) С. 62—64; г) С. 65—66.
3. *Бессонов* — Калики переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6.
а) № 1; б) № 2; в) № 420; г) № 421.
4. *Барсов-1867* — *Барсов Е.* Из обычаев обонежского народа // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 11. Стих № 2.
5. *Барсов-1873* — Памятники народного творчества в Олонецкой губернии Е. В. Барсова // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 597—598.
6. *Ефименко* — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. М., 1878. Ч. 2. С. 38 (Труды Этногр. отдела Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Кн. 5, вып. 2).
7. *Романов* — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи.
а) С. 382 (№ 40); б) С. 383—384 (№ 41).
8. *Ляцкий* — *Ляцкий Е. А., Аренский А. С.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 148—149.
9. *Истомин-Дютш* — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 4—5.
10. *Истомин-Ляпунов* — Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1899. С. 3—4.
11. *Добровольский* — Смоленский этнографический сборник / Сост. В. К. Добровольский. М., 1903. Ч. 4. С. 678—679.
12. *Ончуков* — *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 3. С. 79 (№ 13).
13. *Соболев* — *Соболев А. Н.* Обряд прощания с землей пред исповедью, заговоры и духовные стихи // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914. Кн. 16. С. 27—29.
14. *Соколовы* — Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915. С. 331—332 (№ 68).
15. *Озаровская* — *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 97—98.
16. *Ржига* — *Ржига В. Ф.* Стих о нищей братии // ИОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 179 (Из рукописного собрания Барсова. «Скоропись второй половины XVIII в.»).
17. *Колпакова* — *Колпакова Н. П.* У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 67—68.
18. *Петрова-1990* — Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3.
а) № 10; б) № 11.
19. *БФФ* — Музыкально-поэтические жанры Севера России (Архангельская область): Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 2. / Сост. А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, К. Саппок. СПб.; Бохум, 1991. № 14.
20. *Дмитриева* — Традиционный фольклор Русского Севера / Автор-составитель С. И. Дмитриева. М., 1993. С. 46 (Материалы к серии «Народы и культуры»; Вып. 6: Русские. Кн. 3).
21. *Никитина* — *Никитина С. Е.* «Стих надо петь важно и умильно...» // Живая старина. 1994. № 3. С. 33.
22. *Кастров-1994* — Эпические стихи и притчи Русского Севера (Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома): Альбом грампластинок П2М 49811-14 / Редактор А. Ю. Кастров. Звукорежиссеры Г. В. Матвеев, В. П. Шифф. СПб., 1994. № 6.
23. *Кастров-1998* — Эпические песни и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4/5. № 11 «Вознесение» (фрагмент). Записано в Ленинграде 15.01.1934 г. Е. В. Гиппиусом от Федора Андреевича Конашкова, 74 лет — д. Семёново Пудожского р-на КАССР (Пудога).
24. *Петрова-1998* — Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926—1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4/5. СПб., 1998.
а) № 4; б) № 5; в) № 23.
25. *ФС* — Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров: Исследования и тексты. Архангельск, 1998. С. 156—157.

26. *Марков* — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Издание подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
а) № 117; б) № 169; в) № 269; г) № 310.
27. *Лобкова* — *Лобкова Г. В.* Духовные стихи в народных традициях Вологодской области // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: (Мат-лы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 86—87.
28. *Петрова-2004* — Духовные стихи на Мезени: (Из полевых тетрадей А. М. Астаховой 1928 г.) / Публ. Л. И. Петровой // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Том 32. С. 318—348.
а) № 1; б) № 2 (пропетый вариант, сказанный — в комментарии к тексту); в) № 3; г) № 4.
29. *Кастров-2006* — Архивные записи кулойских эпических напевов (по материалам северной экспедиции 1921 года) / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 299—334. № 16 (фрагмент).
30. *Соколовы-2007* — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926—1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга. М., 2007.
а) № 116; б) № 117; в) № 118; г) № 119; д) № 120; е) № 121.

* * *

Ниже мы публикуем тексты «Вознесения», записанные в 1920—1930-х гг. и хранящиеся в Разряде V РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

1

Да прошло (...) ¹ сборное ² Воскресеньё,
 Да проходит да Христово Вознесенё,
 Да никто же на земли у нас не осталсы —
 А осталась только нищая братья
⁵ Да остались убогие сироты.
 Нищая братья слёзно плачут,
 Да убогия сирóта рыдают:
 «Ох ты истинной Христос, Царь Небёсной!
 От чего мы будём сыты и довольни,
¹⁰ Обуты и одены,
 От тёмной ноеньки укрыты?» —
 «Не плачьте-ко, нищая братья,
 Не рыдайте-ко, убогия сироты!
 Оставлю вам гору золотую —
¹⁵ Промежү собой гору поделайте,
 Промежү собой гору поровняйте!» ³
 Говорил тут Иоанн Златоустой:
 «Да и нищим горой не владати:
 Будут на земли князи-бояра —
²⁰ Отоймут у их гору золоту(е)ю!» ⁴
 Оставь лучше имя Христово:
 Да и будут ходить по селам,
 По селам станут ходить, по деревням,
 А станут Господа Бога поминати,
²⁵ Станут Господа Бога величати —
 Оттого они будут сыты и довольни,
 Оттого они будут обуты и одены,
 От темной ноеньки укрыты».

РО ИРЛИ. Р. V. К. 6. П. 8. № 11. Л. 50 об.—51 об. (полевая запись); П. 3. № 3. Л. 52 об.—53 об. (беловая копия); К. 5. П. 5. № 1 (машинопись).

Записано А. М. Астаховой 13 июля 1929 г. в с. Замежное Усть-Цилемского р-на Северного края — от Савелия Дементьевича Чупрова, 62 лет.

«Сначала сказал стих, потом спел. Пропев, сказал: „Я, быт, пьяноватый — так не направлюсь!“» (Примеч. Астаховой). Публикуется пропетый вариант.

В биографической справке о С. Д. Чупрове (Былины Севера / Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора. С. 347) нет указаний на исполнение этим сказителем «Вознесения».

¹ В полевой записи после начального «прошло» чернилами проставлен знак вопроса и подчеркнуто следующее слово, неразборчиво записанное и переправленное, хотя правка ясности не вносит.

В белой рукописи на месте этого слова пропуск, в машинописном экземпляре — «наше», но такое прочтение сомнительно.

² В рукописи «зборное»; вероятно, от «соборное».

³ При пении были опущены следовавшие далее (в сказанном варианте) стихи:

Оттого будете сыты и одены
И от тёмной ноченьки укрыты!

⁴ В полевой записи над окончанием «ю» сказанного варианта сверху подписано «(е)ю»: возможно, было пропето «золоту(е)ю».

2

На шестый недели Вознесенье,
Вознесся Христос на небеса́,
Со всей силой небесной,
Со всеми ангелам-архангелам.
⁵ Тут возмолится наша ¹ братья,
Возгорюется бедная сирота:
«Ты куды, Господь, поезжаешь,
На кого нищих братьев оставляешь?»
Господь возговорит:
¹⁰ «Я оставлю на брата на Иоанна,
На Христителя Господнего,
Я оставлю гору златую,²
Оставлю реку медовую,
Оставлю я вам сады-винограды —
¹⁵ Будете сыты, пьяны и веселы».
Говорит Иоанн Предотечей,
Христитель Господен:
«Дай мне словцо сказать!
На Руси есть сильны люди богаты —
²⁰ Отоймут у них гору златую,²
Отоймут у них реку медовую,
Отоймут у них сады-винограды,
Над горой у них будет убийство,
Над рекой будет кроволийство,
²⁵ Над садами будет драка велика!
Ты остави одно слово Христово —
Его никто не отоймет!»

РО ИРЛИ. Р. V. К. 76. П. 2. № 114 (машинопись с правкой чернилами).

Записано И. Этиной в июне-июле 1935 г. в д. Калгалакша Кемского р-на Карельской АССР — от Харитины Ивановны Костиной, 76 лет, неграмотной.

Аналогичная концовка не встречается ни в одном из вариантов «Вознесения».

¹ Так в машинописи — вместо традиционного «нища (нишья)»; возможно, это результат неточного прочтения (при перепечатке текста) полевой записи, местонахождение которой неизвестно.

² Первоначальное «золотую» исправлено в машинописи чернилами на «златую».

3

На шестой недели Вознесенье,
Вознесется Христос Бог на небеса.
Восплачется нищяя ¹ братия,
Возрыдаются бедны сироты:
⁵ «Куда же, Господь Бог, поезждаешь?
На кого нас, нищих,¹ оставляешь?» —
«Не плачьте-ко, нищяя братия,
Не рыдайте вы, бедные сироты!
Я оставлю вам гору златую,
¹⁰ Оставлю реку медовую,
Оставлю сады вам виноградны,
Оставлю вам яблони кудрявы
И оставлю поля, луга зелены».
Тут прозговорит Иван Предотечей:
¹⁵ «Дай-ко мне, Господи, словечко молвить,
Насупротив Христа речь говорить!» —

«Говори, Иоанн, что ты знаешь!» —
 «Не оставь им горы золотые,
 Не оставь им реки медовые,
²⁰ Не оставь им садов-виноградов,
 Не оставь им яблоч кудрявых,
 И не оставь им полей, лугов зеленых.
 Оставь им свое слово Христово...
 На земле живут сильные люди,
²⁵ Сильные люди — богаты —
 Отнимут у их гору золотую,
 Отнимут гору медовую,
 Отнимут гору медовую,
 Отнимут сады-винограды,
³⁰ Отнимут и яблоки кудрявы,
 Отберут поля, луга зеленые.
 Над золотой горой будет голоубийство,
 А над рекой буде кроволийство,
 Над садами-виноградами — грех великой,
³⁵ Над полями, над лугами шум великий.
 Оставь им свое слово Христово —
 Под каждым окном будут Христа вспоминати,
 Новой² ради Христа их накормят
 И ради Христа их обденут,
⁴⁰ Ради Христа теплом обогреют».

РО ИРЛИ. Р. V. К. 76. П. 2. Ед. хр. 5 (машинописная копия, не 1-й экз.).

Записано И. Этиной в июне-июле 1935 г. в д. Гридино Кемского р-на Карельской АССР — от Коваловой Екатерины Ивановны, 67 лет, неграмотной.

В 1909 г. этот стих был записан в той же деревне от П. И. Ивановой А. В. Марковым. В деталях он отличается от публикуемого. Но стихи 15—17, аналогичные былинным (см. об этом в статье), фактически не изменились:

«Ты позволь же мне слово молвить,
 Супротив Христа рець говóрить!» —
 «Говори-ко, Иван, цёго знаёшь!» (26в)

Стих «расщечен» исполнительницей. Только в этом варианте в качестве Божьих даров названы, кроме прочих, «поля» и «луга зеленые».

¹ В машинописи вместо «щ» — «шш» с перечеркнутым вторым «ш».

² В значении «иной» (ср. неоднократно встречающееся в стихе: «иной, бывает, накормит» и пр. — 9 и др.).